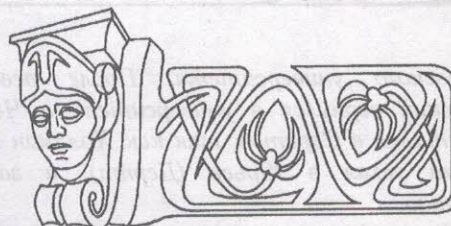

Клубу
Саратовского
университета
40 лет

ВЗГЛЯД ИЗ ЗАЛА

Мир живет уже в новом веке и новом тысячелетии. Ушел в историю 20 век. Каким он был для Университета? На этот вопрос можно ответить по-разному: на фоне научных открытий, на фоне изменения образовательных концепций, на фоне различных картин мира. Но ведь может быть и художественная картина мира, фоном может быть поэзия, проза, СМИ, наконец, художественная самодеятельность. К 40-летию клуба больше всего подходит последнее. Мой коллега, нижегородский физик и поэт написал:

И жизни бег, и мысли ход ритмичен -
Неделя, год, поступок, шаг.
Но до сих пор нам не привычен
Из будущего в прошлое зигзаг.

Давайте, не касаясь будущего, совершим из настоящего зигзаг в прошлое, в культурную жизнь Университета.

6 декабря 1909 года. Городской театр. Торжественный акт открытия Императорского Николаевского Университета. Оркестр и хор учеников Саратовского музыкального училища исполнил кантату, специально написанную ко дню открытия Университета преподавателем училища М.Я.Горделем (слова) и его директором С.К.Экснером (музыка):

День этот славный, как знамя победное,
Дорог и памятен будет всегда.
День этот - светоч, едва загоревшийся
Над колыбелью священной труда.

В 1918-1921 годах Университет возглавлял физик Владимир Дмитриевич Зёрнов, чьи «Записки русского интеллигента» были недавно опубликованы. Вот небольшой отрывок из «Записок», посвященный музыкальной жизни в Саратове и Университете.

«В первые же годы я начал играть квартет с компанией преподавателей музыкального училища, которое вскоре было превращено в консерваторию. Первую скрипку играл прекрасный скрипач Я.Я.Гаек (у него в Саратове учились Д.М.Цыганов и Я.Рабинович, они оба теперь профессора Московской консерватории), вторую скрипку играл я, альты - очень хороший музыкант Еришов. Он был несколько чудоковатым и недалеким человеком. Рассказывая о себе, он всегда повторял неизменно одно и то же: «Я ведь замечательный!». Позже он перешел на дирижерство и долго работал в Саратове. На виолончели играл преподаватель консерватории Гордель».

Мы публично в камерных концертах консерватории исполняли Пятый квартет Бетховена, Флорентийский секстет Чайковского.

Учили Третий квартет Чайковского, но не помню, играли ли мы его на эстраде или нет. Компания была очень довольна моим участием.

На втором году существования Саратовского университета на кафедру химии был назначен Владимир Васильевич Челинцев. И между нами вышел такой разговор: Челинцев интересовался, как мне живется в Саратове, напомнив, что ведь это он подбил меня променять Варшаву на Саратов. Я рассказывал, что город мне очень нравится, что и саратовцы ко мне хорошо относятся, что вот-де и музыканты - преподаватели консерватории - приняли меня в свою компанию и мы даже выступаем в камерных концертах. Челинцев пришел в ужас: «Как, вы выступаете на эстраде со скрипкой?! Это неприлично для профессора университета!». Я, честно говоря, до крайности был удивлен такой репликой и стал доказывать, что Челинцев неправ, что участие в таком составе в концертах я считаю для себя, напротив, почетным, что я это дело люблю и, очевидно, делаю его неплохо. Но Челинцева убедить было невозможно. «Мало ли, что вы любите и что неплохо делаете! Выступать профессору на эстраде со скрипкой все равно неприлично! Ну вот если бы я, скажем, хорошо боролся и любил бы борьбу, я все же не стал бы выступать в качестве профессионального борца на арене». Мне стало отчетливо видно, что говорить и доказывать Челинцеву что-либо совершенно бесполезно. Мы холодно расстались и домашнего знакомства впредь не водили. Так наши отношения и оставались прохладными.

Своих же партнеров по квартету я все-таки попросил о том, чтобы в афише не значилось моей фамилии, а вместо нее стояли бы три звездочки. Но во всех последующих афишах просто было напечатано, что такой-то квартет исполнит «квартет Саратовской консерватории», без фамилий. Это было, конечно, нехорошо, а для моих партнеров даже как-то обидно. Это обстоятельство отчасти расстроило нашу компанию. К тому же вскоре в Саратове появился второй преподаватель скрипки В.В.Заяц, впоследствии мой кум и партнер по домашнему квартету. Он играл у нас партию альты, вторую скрипку играла дочь профессора П.П.Заболотнова Маруся - ученица консерватории, а виолончель - профессор химии Р.Ф.Холлман, заместивший Челинцева, когда тот временно перешел в Москву. Он занимал кафедру органической химии, после того как Н.Д. Зелинский с другими профессорами в 1911 году вышел из состава профессоров

Московского университета. После революции Зелинский вернулся в университет, а Челинцев возвратился в Саратов, так как Холлман к тому времени уехал в Юрьев (Дерт), а затем в Германию.

С преподавателями консерватории мы играли еще фортепианный квинтет Шумана на концерте 7 декабря в годовщину памятного всем "концерт-бала" по случаю открытия Саратовского университета. Фортепианную партию исполнял брат Я.Я.Гаека Эмиль, также преподаватель консерватории.

В тот концерт прежде всего я заботился о том, чтобы никто во время исполнения в зал не входил, чтобы в нем на протяжении всего концерта соблюдался полный порядок. Для этого я поставил своего "швейцара" - Ефрема Крючкина - у боковой двери, которая находилась как раз около эстрады, и велел никого не впускать.

Было у меня и домашнее трио: фортепианную партию играл присяжный поверенный Петр Константинович Всевожжский, виолончель до приезда Р.Ф.Холлмана - некто Поляков. П.К. - так его и звали "Пекаша" - был исключительно милый человек и прекрасный пианист. Он читал любую фортепианную партию точно так же, как мы читаем обыкновенную книгу, - открывал и играл.

Я всегда бывал главным распорядителем студенческих вечеров 7 декабря и устраивал интересные постановки. Особенно памятны две постановки, не помню уж, в каком году мы их ставили: "Живые картины под музыку". Это было очень интересно и красиво. В режиссерстве самих картин мне помогал талантливый актер Южный, который служил в этом сезоне в труппе городского театра.

Мы поставили четыре картины: "Вечерняя молитва", "Ванька и Танька", "Менуэт" и "Дочь султана". Лишь первая картина все время исполнения "Вечерней молитвы" Гуно оставалась неподвижной и только освещалась разными прожекторами. Центральной ее фигурой была красавица Кукуранова, которая была поставлена как молящаяся женщина на картине "Экстаз", а вокруг нее, тоже в белых одеяниях, девушки - как бы сонм ангелов. Все было сделано по картине. Во время демонстрации живой картины "Вечернюю молитву" пела под аккомпанемент рояля и скрипки хорошая певица, которую я выбрал. Партию скрипки, конечно, играл я сам.

Картина "Ванька и Танька" была поставлена следующим образом: на боковой эстраде опять исполнялся известный дуэт Даргомыжского "Ванька с Танькой", а на центральной сцене одна за другой открывались живые картины на фоне декорации, представлявшей дворик украинской хаты, которые иллюстрировали содержание текста дуэта. Таньку изображала дочка нашего

домохозяина Новикова Тоня, хорошенькая девушка украинского типа, Ваньку - какой-то подходящий студент.

Для картины "Менуэт" мы играли квинтетом известный менуэт Боккерини, а на сцене показывали позы менуэта. После каждой позы занавес закрывался, это было необходимо для того, чтобы "живые картины" до конца оставались неподвижными.

Четвертая картина сопровождалась пением романса Рубинштейна "Вечерком гулять ходила дочь султана молодая...", а на сцене изображалось то, о чем пелось в романсе. На роль дочери султана я нашел исключительно красивую грузинку - жену офицера княгиню Джапаридзе. Она была в роскошном, расшитом золотом национальном турецком костюме и брала своей красотой. Роль Магомета исполнял тоже красивый студент из восточных народов, очень подходящий по фигуре и внешности. Но Южный никак не мог обучить его позой изображать те страдания, которые, по содержанию текста, он должен был испытывать.

Наконец, все было слажено и 7 декабря "Живые картины" прошли с большим успехом.

Другой раз мы ставили интермедию из "Сна в летнюю ночь" Шекспира. Среди студентов первого приема имелась компания больших любителей сценического искусства. В особенности один, который исполнял женскую роль Физбэ, был очень способный актер, но большой любитель выпить. Его товарищи предупредили меня, что "Физбэ" надо перед спектаклем "выдержать", а не то он непременно напьется. Я запер его в артистической уборной и время от времени навещал; "Физбэ" уверял, что ему перед выходом необходимо хоть немного выпить, и я в качестве поощрения за примерное поведение в заключение дал ему хорошую рюмку коньяку. Играл он отлично.

Кроме того, что мои актеры играли хорошо, они были и хорошо одеты, костюмы мы брали из театра, и особенно хороши были грим и прически. В этом нам действительно повезло: в Саратове нашелся старый парикмахер, который в молодости был театральным парикмахером в московском Малом театре. Этот парикмахер соорудил замечательные прически. Так, у Физбэ была греческая прическа из соломенных чехлов от бутылки, парик Льва был сделан из деревянных стружек - ведь по тексту Льва исполнял плотник. Все было оригинально и красиво.

Когда началась война 1914 года, всех моих актеров забрали на фронт в качестве «зауряд-врачей», "Физбэ", говорили, был награжден офицерским Георгием. Он находился на Кавказском фронте и, как врач, сидел в окопе позади передовой линии, на которой шли стычки с турками, и спокойно выпивал. Вдруг он видит, что через окоп

пересказывают отступающие русские солдаты. "Физбэ" был уже в порядочном "градусе" и, естественно, возмутился, выскочил из окопа, выхватил шапку (врач может обнажить оружие только для самозащиты) и, обругав отступавших, с криком "ура" кинулся навстречу туркам. Отступавшие солдаты остановились, а затем кинулись за своим врачом, в результате чего турки были отброшены. "Физбэ" был награжден Георгием, но за то, что он нарушил устав и обнажил оружие, был посажен на гауптвахту. Говорят, что георгиевского кавалера по статусу ордена ведут под арест с музыкой. "Физбэ" потребовал выполнения этой подробности.»

1921 год - пик голода в Поволжье, но... функционировали секции, призванные вовлекать студентов в культпросветработу. Драматическая секция, в которой было 30 человек, поставила спектакль «Дети Ванюшина». Научно-лекционная секция, насчитывающая 40 участников, организовала чтение лекций «О гипнозе», «Интеллигенция на переломе», а также цикл о жизни и деятельности Н.Г.Чернышевского, имя которого Университет получил в 1922 году (старые профессора шутили, что Университет стал опять Николаевским).

7 июля 1934 года вышел первый номер многотиражки, менявшей свое название: «За научные кадры», «Сталинец», «Ленинский путь», «Саратовский университет». Кстати, была бы интересной студенческая научная работа «XX век и Университет глазами многотиражки» (может быть, даже дипломная работа).

7 апреля 1935 года газета публикует, с позволения сказать, стихи, посвященные двадцатипятилетию Университета:

Мы пришли с упорством большевистским
Объяснить и переделать жизнь.
И грядет он, осязаемый, близкий
Вещный материальный Коммунизм!

Автору повезло, что никто не стал искать трактовки последней строчки.

В 1935-1937 годах Университет возглавлял молодой талантливый ученый-математик Гавриил Кириллович Хворостин (к моменту назначения на пост ректора ему не было и 35 лет). Он трагически погиб в 1937 году во времена Большого террора. Что пишет в 1937 году газета «Сталинец»? Задача - стать лучшим хором в Саратовском крае, «увеличить число хористов с 50 до 150 человек».

Пришел новый 1938 год. Стихи из «Сталинца»:

Ночь ярка. Мороз сильнее крепчает.
Спят в снегу деревья и поля.
Новый год победами встречает
Сталинская славная земля.

А дальше была война. Накануне войны Университет возглавил Даниил Иванович Лучинин - талантливый математик-ученый и администратор, который ушел добровольцем на фронт и погиб в тридцатичетырехлетнем возрасте. 7 июля 1941 года Д.И. Лучинин издает знаменитый последний для себя приказ, второй пункт которого гласит:

«Назначаю исполняющим обязанности ректора Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского товарища Веру Александровну Артисевич с 8.VII.1941 года».

Во главе Университета встал человек удивительный, мудрый, энергичный, беззаветно преданный Университету, построивший Научную Библиотеку СГУ (она носит теперь имя В.А.Артисевич), сделавший библиотеку одной из лучших в России. Пожалуй, наиболее точно говорит о Вере Александровне название книги, изданной к ее девяностолетию, - «Библиотечная легенда». Вся культурная жизнь Университета в эти трудные военные годы связана с именем Веры Александровны. В Большой физической аудитории проходили концерты выдающихся артистов из Большого Театра, МХАТа, Московской консерватории. В них участвовали солистка Большого театра Н.Д.Шпиллер, доцент Московской консерватории, пианист А.Л.Иохелес, артисты МХАТа А.Н.Грибов, В.В.Белокуров, А.П.Зуева, П.Н.Кедров, В.О.Топорков.

В 1942 году в Саратов был эвакуирован Ленинградский университет во главе с ректором профессором А.А.Вознесенским, который с 8 мая 1942 года стал ректором обоих университетов и руководил ими до 12 июня 1944 года. Шла война, но культурная жизнь не прекращалась. Вот как вспоминает об этих днях профессор Ленинградского университета С.Э.Фриш в своей книге «Сквозь призму времени».

«Был организован лекторий, просуществовавший до последних дней нашего пребывания в Саратове. Профессора, преимущественно гуманитарных факультетов, делали научно-популярные доклады и читали лекции на литературные темы. Посторонней публики присутствовало мало, но сотрудники самого университета, желая скоротать длинные вечера, ходили на эти доклады охотно. Эйхенбаум разбирал истоки романов Толстого, Григорий Александрович Гуковский увлеченно декламировал «Стихи о Прекрасной Даме» Блока.

Устраивали и вечера самодеятельности. Старый профессор читал отрывки из "Невского проспекта" Гоголя, молоденькая студентка звонким голосом декламировала "Медного всадника". Петербург - Ленинград - это был город, к которому стремились все наши помыслы, о котором мы всегда хотели говорить, слушать, о котором непрерывно думали. Мысль о конце войны

была и мыслью о возвращении в город на Неве. Я помню, как во время одного из вечеров, вне всякой программы, выступил профессор Евгеньев-Максимов. Грузный, старый, опираясь на палку, он вышел вперед, сказал:

-Товарищи, я получил письмо из Ленинграда. Бывшая воспитанница нашего университета Ольга Федоровна Бергольц прислала мне текст еще неопубликованной своей поэмы о блокадных днях в Ленинграде. Я прочту ее. Сиплым, прерывающимся голосом он начал:

Был день как день...

Дальше шел перечень всего, что так неизгладимо врезалось в память каждого ленинградца: стук метронома в томительные минуты перед бомбежкой; лопата, которой рыли траншеи; санки, на которых везли умерших. Кончалась поэма предчувствием дня, когда ленинградцы выйдут навстречу победоносным войскам:

Мы выйдем без цветов
в помятых касках,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венки в обугленных руках.

И этот образ исковерканной статуи, которая будет приветствовать нас при возвращении своими обугленными руками, - долго не выходил у меня из головы.»

1955-1960 годы. Я подошел ко времени своих студенческих лет. Здесь была целина и стихи о ней.

А еще недавно усталые
Любовались в степи закатами,
Совершали дела немалые,
Веселились, пели с девчатами.

А сейчас нас заели формулы,
Голова теоремехом забита,
Появляются мысли вздорные
И душа не для всех открыта.

Но мы верим, любим, мечтаем.
В человека навек поверили.
Про романтику в книжках читаем,
Но и сердцем ее проверили.

Стихи незатейливые, но искренние, вполне отражающие свое время.

Известный химик Роман Викторович Мерцлин - ректор моих студенческих лет - правил университетом 15 лет (1950 - 1965 годы). Глагол «правил» удивительно точно сочетается с его импозантной, величественной внешностью, с его манерой интеллигентного, подчеркнуто вежливого отношения к людям, с точным умением действовать правильно в разные исторические этапы жизни страны. Годы его правления - годы расцвета университетских талантов. На университетской сцене блистали певцы М.Шуйский, А.Грачев, В.Красильников, танцоры С.Яночкин, Б.Зиминая, Г.Пономарева, Б.Лавров. Гремела слава леген-

дарного творческого хора из двухсот человек под руководством С.Горшкова и В.Долговой. Университетские композиторы и поэты Станислав Горшков, Геннадий Леонов, Адольф Дихтярь, Станислав Ильин были знаменитыми личностями в Университете. Студенты распевали черемуху и

Ехал студент на каникулы,
Ехал филолог домой.
Для развлечения, для шик ли
Взял он трехрядку с собой.

Передо мной новогодний номер газеты «Сталинец» от 31 декабря 1955 года. Редактор газеты В.Б.Островский. Университет поздравляют с наступающим Новым годом Назым Хикмет, Карлов университет из Праги, глава антарктической экспедиции на дизельэлектроходе «Обь» Сомов, Юрий Андреевич Скляр - в те времена зам. председателя колхоза им. Сталина Безымянского района, коллеги из других многотиражек. На последней странице новогодние пожелания и литературный уголок.

Сатирической группе геологического факультета

Поздравляем с днем рождения.
Желаем большущих творческих
успехов на радость и смех
студентам университета.

Творческому хору

Поздравляем с прекрасным
исполнением песен Леонова
и Горшкова. Желаем не
забывать остальных классиков.

«Капустнику» химического факультета

Желаем вышей капусте не только
цвети, но и давать семена.

Михаилу Шуйскому

Повсюду ждут его приход.
Пред ним снимают шляпы.
Высок и тощ, как Дон Кихот,
И звучен, как Шалапин.

Вячеславу Радину

Мне не нужна классическая слава!
Давным-давно воскликнул Радин Слава.
И слова не нарушил Слава Радин:
С тех пор он даже в классике эстраден.

Адольфу Дихтярю

Со вкусом тонко ерундит
Литературный эрудит.

Удивительно звучат строчки из «Новогоднего тоста» физика Анатолия Чудновского:

...И в небе для нас развезденном
Застольная песня плывет...
Мы выпьем за то, чтоб вместе нам
Двухтысячный встретить год!

Признаюсь, что я - тогдашний первокурсник - не думал о двухтысячном годе.

Блистали тогда на сцене В.Глинский, И.Парфенов, В.Радин, П.Смирнов, Л.Кац, И.Синицын, Л.Гродницкий, Р.Еленович, М.Рыскин, Е.Пищик и др. Бешеный успех имел балет «Лауренсессия» в постановке Л.Гродницкого, пользовались популярностью эстрадные обозрения. Стоят перед глазами три богатыря - Илья Муромец (М.Рыскин), Добрыня Никитич (В.Семенов) и, как объявлял ведущий, Алеша Попович - Рафа Еленович; запомнился М.Рыскин в роли пионера Васи. К какому-то обозрению я рисовал декорации, где были верблюды, за что Л.Гродницкий называл меня «творцом верблюдов». Полностью обозрение не помню. Помню, что в нем была ария варяжского гостя:

Бессмертны люди комитета,
Велик Борис Хохлов
И грозен Аврус.

В 1961 году произошло знаменательное событие: был создан клуб культуры Университета, клуб, который сегодня можно по праву называть клубом Марка Абрамовича Пинхасика. Было много драматических спектаклей. В частности, в разгар дискуссии о «физиках и лириках» была поставлена не лучшая пьеса Леонида Зорина «Увидеть во-время». «Физики» (в том числе и я) разразились в многотиражке рецензией, кажется, под заголовком «А что нужно было увидеть во-время?» С успехом шли «Парень из нашего города», «Обыкновенное чудо». Клуб гастролировал в Томске и Днепропетровске. У геологов собирались и читали стихи, а И.Парфенов читал пародии. Это была эпоха КВН. В команде - победительнице выделялись Л.Кац, В.Глейзер, Е.Пищик.

Описываемое время - время стенных газет и смотров художественной самодеятельности. Одной из интересных газет, побеждавших на конкурсах, была газета «Физик» (а конкурировали обычно физики, историки, филологи, химики; конкурировали и в праве быть лучшими и на сельскохозяйственных работах, и

в художественной самодеятельности и т.п.). Газеты были дважды стенными - не только висели на стене, но и занимали нередко всю стену. Вот стихи физиков в одном из номеров:

«И вечный бой, покой нам только снится»: Уже лежат историки в пыли.
За Балаково, за пуды пшеницы
На факультет мы знамя принесли.

На одном из смотров самодеятельности, где борьба шла очко в очко, победу физикам принесло выступление секретаря парткома физфака Ю.А.Склярова (тот самый зам. председателя колхоза 1955 года), который сыграл на губной гармошке. Наутро «Физик» откликнулся фотографией с подписью:

Простейший музыкальный инвентарь
Поднес ко рту партийный секретарь.

(Недавно Юрий Андреевич издал сборник своих стихов «Физик в лирике».) На этом Михаил Ильич Рыскин, придумавший этот вечер, просил меня остановиться, потому что дальше будут выступать и бывшие, и сегодняшние участники самодеятельности разных лет.

Наверное я что-то напутал в своем рассказе, не о всех написал, переставил события, связал их не с теми людьми. Наверное. Но я писал о времени, которое мне дорого, о людях, живущих и ушедших из жизни, которые мне дороги. Я заглядывал в книгу В.Н.Семенова «Ректоры Саратовского университета», которому безгранично благодарен за его вклад в историю Университета.

А вместо заключения несколько четверостиший из «Романса» физика-поэта Валерия Канера:

Былого не вернуть - ни доброго, ни злого.
Былого не вернуть и в этом жизни суть.
Былого не вернуть - как брошенного слова.
Нет, не дано иного - былого не вернуть.

Былого не забыть... И неба голубого
Сквозь стекла не отмыть - хоть до утра курить...
Рассвет приходит быть сквозь сполохи былого.
Нет, не вернуть былого, былого не забыть.

Д.И. Трубецков, профессор
4 августа 2001 г.